

<https://doi.org/>
<https://elibrary.ru/>
Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2Рос=Рус)6

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

УСАДЕБНОЕ НАСЛЕДИЕ В ОСМЫСЛЕНИИ К. Г. ПАУСТОВСКОГО

© 2023. М. С. Федосеева

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского
научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>*

Аннотация. Смена государственной риторики и новые наработки усадьбоведения в области «усадебного топоса» дают возможности для нового прочтения текстов К. Г. Паустовского и открытия новых граней его творчества. В статье осмысливается отношение Паустовского к усадебному наследию, образ усадьбы в творчестве писателя, особенности «усадебного топоса» в его текстах. Биографически укорененный в русской усадебной культуре, Паустовский явился носителем лучших ее сторон, наследником и защитником национальных культурных традиций. В склонности Паустовского к деревенскому образу жизни мы видим проявление «усадебного габитуса». Традиционный «усадебный топос» – старинный дом и сад – становится излюбленным топосом писателя. Влияние усадебного уклада сказалось – порой парадоксально – на сюжетах многих его произведений. Несмотря на то, что Паустовский показывает гибель русского усадебного мира, на деле оказывается, что он не исчезает. Столетиями накопленные культурный капитал и культурный потенциал усадьбы, видоизменяясь, становятся важнейшим национальным ресурсом.

Ключевые слова: К. Г. Паустовский, усадьба, «усадебный топос», традиция, русская классическая литература.

Информация об авторе: Мария Сергеевна Федосеева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6051-3949>

E-mail: makanja@list.ru

Для цитирования: *Федосеева М. С. Усадьбное наследие в осмыслении К. Г. Паустовского // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: Сб. научных статей. Вып. 2 / отв. ред. М. В. Скороходов. М.: МАКС пресс, 2023. С. 00–00. <https://doi.org/>*

MANOR HERITAGE IN THE UNDERSTANDING OF K. G. PAUSTOVSKY

© 2023. Maria S. Fedoseeva (Akimova)

Acknowledgments. This work was supported in the IWL RAS by the Russian Science Foundation project №. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Abstract. The change of state rhetoric and new developments of manor studies in the field of “manor topos” provide opportunities for a new reading of Paustovsky’s texts and the discovery of new facets of his work. The article comprehends Paustovsky’s attitude to the estate heritage, the image of the estate in the writer’s work, the features of the “manor topos” in his texts. Biographically rooted in the Russian manor culture, Paustovsky was the bearer of its best sides, the heir and defender of national cultural traditions. In Paustovsky’s penchant for a rustic lifestyle, we see a manifestation of the “manor habitus”. The traditional “manor topos” – an old house and garden – become a favorite topos of the writer. The influence of the manor way of life affected – sometimes paradoxically – the plots of many of his works. Despite the fact that Paustovsky shows the death of the Russian manor world, in fact it turns out that he does not disappear. Over the centuries, the accumulated cultural capital and cultural potential of the estate, changing, become the most important national resource.

Keywords: Paustovsky, manor, “manor topos”, tradition, Russian classical literature.

Information about the author: Maria S. Fedoseeva (Akimova), PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6051-3949>

E-mail: makanja@list.ru

For citation: Fedoseeva, M.S. “Manor Heritage in the Understanding of K.G. Paustovsky”. *Creative Heritage of Konstantin Paustovsky in the XXI century: Collection of Scientific Articles. Vol. 2*, ex. ed. Maxim V Skorokhodov. Moscow, MAX Press LLC Publ., 2023. pp. 00–00. (In Russ.) <https://doi.org/>

Жизнь К. Г. Паустовского была тесно связана с усадьбами: в детстве он соприкоснулся с родовыми поместьями, затем знакомился с усадьбами в ходе многочисленных путешествий и скитаний. Важным обстоятельством было то, что, по его словам, «с ранней юности у [него] была неистребимая страсть посещать места, связанные с жизнью любимых писателей и поэтов»¹, жизнь многих из которых была связана с усадьбами. Паустовский стал продолжателем традиций русской классической литературы. Неудивительно поэтому, что пространство его прозы и писем густо населено усадьбами. Это и русские провинциальные усадьбы: Борок В. Д. Поленова и дача Песочное, связанная с Цветаевыми и В. Э. Борисовым-Мусатовым, Эртелевка под Воронежем и усадьба А. А. Фета в Воробьевке под Курском, связанная с А. П. Чеховым усадьба Богимово и чеховский дом на Аутке, Михайловское и Тригорское, Ревны и Каменка Раевских, Тарханы М. Ю. Лермонтова и усадьба его отца под Ефремовом; и расположенные в Москве Ноевская (Мамонова) дача, Погодинская усадьба на Девичьем поле, Дом писателей (Дом Ростовых) на Поварской, особняк Морозова на Воздвиженке; и подмосковные: Останкино, Абрамцево, Архангельское, Горки и др. Упомянуты в произведениях Паустовского и европейские усадьбы и поместья: замок Радзивиллов в Несвиже, «полуразрушенный дворец» в Митаве (Ионишкисе), где «жил Калиостро и блистала красавица авантюристка герцогиня

---

¹ Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4. М.: Худож. лит., 1982. С. 327. Далее при цитировании этого издания том и страница указываются в скобках после цитаты.

Кингстон» и «скрывались последние Бурбоны» («Ветер скорости (Из путевого дневника)») [VII, 142], Вилла Боргезе в Риме, Дом Грига в Бергене, «усадебное старое отставного моряка» в Одензе, связанная с Г. Х. Андерсеном, «старинное поместье» Ж. Ж. Руссо в Эрменонвиле близ Парижа («Ильинский омут») [VI, 591]; Дом Г. Флобера в Круассе, «где <...> гостили Тургенев, Жорж Санд, братья Гонкуры, Мопассан – почти весь цвет тогдашней литературы» [V, 485].

Паустовский близко к сердцу принимал судьбу культурного наследия, к которому безусловно относил и усадебное, ратовал за сохранение его в первоизданном виде. Вследствие исторических перипетий судьба усадеб не всегда была счастливой. Тот же Дом Флобера во Вторую мировую войну был разрушен бомбежками, и, хотя и был восстановлен, но «уже не тот <...>. От сада почти ничего не осталось. Кроме того, Руан, разрастаясь, стиснул усадьбу Флобера заводами и новыми зданиями и лишил ее прежнего деревенского очарования» [V, 486].

Судьба отечественного усадебного наследия представлена в произведениях Паустовского объемно. Он упоминает о московских особняках, погибших в пожаре 1812 г., прослеживает переход дворянских особнячков в руки купечества. Эта коллизия «Вишневого сада» показана Паустовским, в частности, в рассказе «Скрипучие половицы»: помещик, чтобы расплатиться с долгами, продает лес харьковскому купцу Троценке, а управляющий купца произносит сакраментальную фразу: «Дворяне! <...> Много мы таких пустили по миру, с пустым карманом!» [III, 17]. Характерен «усадебный топос» рассказа – запущенная дворянская усадьба: «белый дом с облупленными колоннами» [III, 13]; «Весь усадебный двор зарос репейником» [III, 16]. В главе «Липовый цвет» («Повесть о жизни. Далекие годы») представлен схожий сценарий: «Разорившийся хозяин поместья сдавал на лето две-три деревянные дачи в парке» [IV, 104].

Одним из знаковых рубежей в существовании русских усадеб была Октябрьская революция. Паустовский принял ее, но перед ним тут же стал вопрос о «пренебрежении к прошлой культуре» («Повесть о жизни. Начало неведомого века. Водоворот») [IV, 518]. Очевиден внутренний спор Паустовского по этому вопросу. В 1917 г. в журнале «Народный вестник» (№ 13–14) выходит его статья «Искусство и революция», где он пытается объяснить для себя разрушение памятни-

ков культуры и ландшафтов высокими целями революции. И в том же 1917-м в «Ведомостях комиссариата московского градоначальства» публикуется его статья «Охрана памятников культуры», в которой предстает жуткая картина «голового вандализма и неосмысленности <...> небрежности, халатности и пресловутого “разгильдяйства”, не умеющего жить в чистоте»¹. Отношение к памятникам в годы революции Паустовский красочно описал в «Материалах к истории московских особняков» («Повесть о жизни. Начало неведомого века»): анархисты, захватившие после Октября большую часть купеческих особняков, «вольготно и весело жили в них среди старинной пышной мебели, люстр, ковров и, бывало, обращались с этой обстановкой несколько своеобразно. Картины служили мишенями для стрельбы из маузеров. Дорогими коврами накрывали, как брезентом, ящики с патронами, сваленные во дворах. Оконные проемы на всякий случай были забаррикадированы редкими фолиантами. Залы с узорными паркетками превращались в ночлежку» [IV, 578]. В ходе последующего разоружения анархистов особняки брали приступом, и Паустовский описывает избитые пулями здания, дворников, сметавших в кучи битое стекло, и другие картины разрушения.

С одной стороны, Паустовский понимал подоплеку разрушительной силы революции. Причиной было непонимание ценности памятников, которые рассматривались в первую очередь как «напоминание о старом строе и классовой несправедливости»²: «Видать, богато жили, сволочи!» – говорит один из берущих приступом особняк Морозова революционер («Материалы к истории московских особняков») [IV, 582]. Тема социального неравенства, проявленная через «усадебный топос», по-разному окрашенная, звучит у Паустовского в целом ряде произведений. Наиболее запоминающимся является эпизод посещения усадьбы помещика Шуйского в Богове, эту встречу в «полуразрушенном барском доме в корявом яблоневом саду» («Повесть о жизни. Беспокойная юность. Сырой февраль») [IV, 499]; Паустовский сравнивает с посещением усадьбы Плюшкина и назовет «почти символической» [IV, 499]. В этом же ряду стоят другие упо-

¹ Мир Паустовского: Избранные страницы. Московский литературный музей-центр К. Г. Паустовского. Редколлегия журнала «Мир Паустовского». М.: Мир Паустовского; Нижний Новгород: Деком, 2003. С. 44.

² Там же. С. 43.

минания: «о потехах Радзивилла, о тысячах “хлопов”, стоявших с факелами вдоль дороги от самой русской границы до Несвижа, когда Радзивилл встречал свою любовницу авантюристку Кингстон, о многошумных охотах, пирах, самодурстве и шляхетском чванстве, глуповатой спеси, считавшейся в те времена паспортом на вельможное “панство”» («Повесть о жизни. Беспокойная юность. Гнилая зима»; [IV, 424]); о том, как князю Ширвашидзе в Сухуме «в первую советскую осень некоторые крестьяне еще привезли <...> по привычке феодальную дань – кукурузу, табак, козий сыр и алычу» («Повесть о жизни. Бросок на юг. Табачная республика») [VI, 226]; о горьких судьбах крепостных – поводыря, которого загрыз волкодав помещика Любомирского («Повесть о жизни. Далекие годы. Корчма на Брагинке») [IV, 197]; повесившейся талантливой актрисы Аннушки, которую помещик Шлихтинг не отпустил играть на большую сцену, а продал князю Орлову, который «на таких падкий» («Аннушка»), и др. Эти эпизоды, характерные для советской литературы, присутствуют и у Паустовского.

Вместе с тем Паустовский осознает угрозу непоправимой утраты «внешних памятников культуры во время <...> долгого, тяжелого процесса раскрепощения масс»¹. Сам готовый для высших целей перетерпеть «годы революции, голода и веселья» («Поток жизни») [VII, 470], он понимает хрупкость культуры и требует принять все меры к охране того, что есть. В статье «Охрана памятников культуры» он пишет:

Западная Европа, быть может, больше нас знает высшую ценность этих памятников в деле возрождения человеческой души, в ее эстетическом воспитании. А у нас, в России, может наступить время, когда охранять и реставрировать будет уже поздно. <...> Надо бережно пронести сквозь величайшие потрясения нашу культуру и ее памятники и не оставить после себя груды битого кирпича².

Паустовский любит эстетикой усадебной культуры, накопленным ею культурным капиталом, например, «великолепной круглой кафельной печью с узорными изразцами» («Повесть о жизни. Беспокойная юность. Сырой февраль»; [IV, 500]) в особняке Шуйского. Описывая особняк Морозова в революционные дни, повествователь

---

¹ Мир Паустовского. С. 43.

² Мир Паустовского. С. 44.

не забывает вскользь упомянуть «тяжелую парадную дверь, похожую на бронзовые литые двери средневекового собора», филенку, «покрытую причудливой резьбой, <...> шелковую обивку на стене <...>, зеркала и хрустальные вазы» [IV, 579, 580–581], а когда дверь пытаются сломать, один из ломающих восхищенно говорит: «На совесть строили!» («Повесть о жизни. Начало неведомого века. Материалы к истории московских особняков»; [IV, 582]). Герой «Повести о жизни» («Предместье Чечелевка») Вельяминов каждый отпуск проводит в глухой провинции в разоренных помещичьих усадьбах, фотографируя их «капитал», саккумулированный столетиями: «картины, изразцовые печи, сохранившуюся в комнатах и садах скульптуру <...> ему удалось найти <...> бюст работы известного скульптора Козловского и две картины французского художника Пуссена в заколоченном доме около Череповца» [IV, 442–443]. В очерке «Прививка к географии» В. К. Паустовский пишет о красивом «многоуважаемом шкафе», который отец купил на одном из московских аукционов, где «продавалось добро, реквизированное в революцию в дворянских усадьбах и купеческих особняках», и «каждый мог подобрать себе что-нибудь подходящее»¹. Падчирица Паустовского Г. А. Арбузова в личной беседе также вспоминает об антикварной мебели, которую с большим удовольствием покупал писатель.

Послереволюционная судьба усадебного наследия предстает в произведениях Паустовского неоднородной. Так, в «Блистающих облаках» в главе «Эх, Россия, Россия!» упоминается усадьба художника Малявина в Аксиньине Рязанской губернии: «Как дали свободу, все усадьбы палили, а в его усадьбе даже наоборот, мужички охранение поставили. Я сам в ем стоял. Для охраны картин. Чтоб ни-ни...» [I, 382], – говорит один из героев. С другой стороны, в Пушкинских горах Паустовский отмечает «очень славный домик няни» как «единственную постройку, уцелевшую от пушкинской усадьбы, – все остальные сгорели в 1918 году» (в письме В. К. Паустовскому от 8 июля 1937 г.; [IX, 141]). Да и его родовая усадьба Городище была разрушена в период коллективизации. Судьбы дореволюционных дач также оказываются сходны с судьбами усадеб: в «Повести о жизни»

---

¹ Воспоминания о Константине Паустовском / сост. Л. Левицкий. М.: Советский писатель, 1975. С. 452–453.

(«Время больших ожиданий. Ячная каша») Паустовский вспоминает свои ночные походы за дровами на дачи, «где еще не все деревянные части были разворованы» [V, 29].

Часть усадебного и дворцового наследия при новом режиме восстанавливается, приспособляясь под новые нужды. Так, «полуразрушенный дворец» в Митаве (Ионишкисе) «восстанавливается для размещения сельскохозяйственного института» («Ветер скорости (Из путевого дневника)»; [VII, 142]); в имени литератора Эртеля под Воронежем организуется «небольшой дом отдыха» для писателей («Воронежское лето»; [VI, 402]); в доме адмирала Коланса – детский сад («Повесть о жизни. Время больших ожиданий. Акрополь Таврический») [V, 197], в старинном итальянском особняке на бульваре в Одессе – редакция газеты («Инкубатор капитана Косоходова») и т. д. В Пушкинских горах создан заповедник, о котором Паустовский подробно пишет в письме к сыну В. К. Паустовскому от 8 июля 1937 г.:

Здесь в Михайловском очень хорошо, – много озер, рощ, холмов, песчаных дорог. <...> В Пушкинском заповеднике очень строгие правила – запрещено косить траву, ходить по лесам без дорог (можно ходить только по дорогам), собирать ягоды, ловить рыбу и т. под. – поэтому здесь необыкновенно пышная растительность и масса цветов. <...> В лесах, в полях, в самых неожиданных местах в траве стоят небольшие таблицы с надписями и с пушкинскими стихами, относящимися к этим местам. Так отмечены все места, где бывал Пушкин и которые он любил (три сосны, озеро Маленец, Тригорское и т. д.) [IX, 141].

Испытанием для усадебного наследия оказывается Вторая мировая война. Паустовский упоминает «липовый парк, изрытый блиндажами – разрушенными и заросшими дикой малиной» [VI, 402] в Эртелевке («Воронежское лето»), разрушенный дом Флобера под Парижем («Повесть о жизни. Книга скитаний. “Малый Конотоп”»; [V, 485–486]). В рассказе «Аграфена» Паустовский изображает размещенный в доме П. И. Чайковского фашистский штаб: «все полы замараны, затоптаны. <...> фашисты пьянствуют <...> в любимой комнате Петра Ильича <...> где стоял рояль»; дом загорается и гибнет в очищающем огне подвига Аграфены, оставляя после себя лишь пепелище, где валяются ящики, обрывки газет, грязные бинты, жестянки от консервов, патроны, рваные автомобильные шины [III, 116, 121].

Однако не только революция и война угрожают усадебному наследию. В знаменитом «Письме из Тарусы» Паустовский поднимает вопрос о хозяйственной деятельности человека, угрожающей природному и культурному наследию:

Все берега Оки от Серпухова до Тарусы и Алексина сносятся и уродуются каменоломнями, грохочут взрывами, и больно видеть стиснутую этой опустошенной, поставленной дыбом землей прелестную усадьбу и музей художника Поленова. Непонятно, как хозяйственники до сих пор не взорвали и ее. «Подумаешь, какая невидаль Поленов. Чего-то там мазал красками» [VII, 357–358].

И уже выходя за рамки написанного Паустовским, мы осознаем хрупкость наследия. Читая упоминания о Чернобыле на Припяти – усадьбе Копань («Повесть о жизни. Беспокойная юность. Печальная суета»; [IV, 428–435]) или имении отставного генерала Левковича («Золотая роза. Первый рассказ»; [III, 183–184]), мы понимаем, что после 1986 г. эти места фактически ушли в небытие.

Между тем, Паустовский своими текстами декларирует (и прямо, и косвенно) огромную роль усадеб. По его мнению, «острова старых усадебных садов, раскинутые в отдалении друг от друга» (на Усмани под Воронежем) составляют важную часть классического русского пейзажа («Воронежское лето»; [VI, 402]). Усадьбы влияют на формирование личности человека, ее укорененности в родной земле: в книге «Далекie годы» из «Повести о жизни» («Брянские леса») автор-рассказчик волнующе и ярко описал *лето в Ревнах, «в бывшем потемкинском поместье <...> в старинном и таком обширном парке, что никто не знал, где он кончается и переходит в лес. С этого лета [он] навсегда и всем сердцем привязался к Средней России»* [IV, 78–79]. Усадьбы отвечают заветным мыслям Паустовского о соразмерной архитектуре, призванной способствовать спокойствию духа («Золотая роза. Ночной дилижанс»; [III, 303]). Они являются некоей «зоной тишины» (название одной из глав «Повести о жизни» («Начало неведомого века»)). В усадьбе в гармоничном единстве можно обрести все то, что необходимо для человека: здесь, в отличие от городов, «можно <...> работать, думать и отдыхать, а не заболеть неврастением и трамвайным бешенством» («Черное море. Рассуждение о красках и бронзе»; [II, 92]). Писателю деревенский (по сути – усадебный) уклад дает «счастье близости к своей земле, сосредоточенности и вну-

тренней свободы, любимых дум и напряженного труда» («Несколько отрывочных мыслей»; [I, 48]), постоянное общение с краем, его природой и людьми («Золотая роза. Язык и природа», [III, 231]). Мысль о благотворном влиянии усадебного уклада на творчество звучит и в публицистике, и в письмах, и в художественной прозе, где нередко герои уезжают из города, «чтобы хоть немного поработать спокойно», <...> проветрить сердце» – в Пушкинский заповедник («По ту сторону радуги»), или же на подмосковную дачу («Рождение рассказа»), которая является своеобразным аналогом усадьбы. В этом «бегстве» героев много от самого Паустовского – их создателя.

И этот факт заслуживает особого осмысления. Несмотря на то, что Паустовский показывает гибель усадебного мира и уклада, вырождение помещиков, на деле оказывается, что усадебный мир нигде не исчезает¹. В результате резких, катастрофических перемен в стране русская усадьба «как культурный тип перестала существовать, не исчерпав своих возможностей»². И этот культурный потенциал усадьбы очень симпатичен Паустовскому. Здесь допустимо говорить об инварианте «усадебного топоса», об «усадебном габитусе» (т. е. «совокупности обладающих устойчивостью моделей восприятия и действия, которые индивид приобретает в процессе социализации, инкорпорируя способы мышления, чувств и действий»³). Место действия многих произведений Паустовского (для которого топография необыкновенно важна: он «никогда не мог писать о людях вне обстановки» («Повесть о жизни. Книга скитаний. История с географией»; [5, 524]) – это дом с садом – будь то рязанская глубинка, дюны Рижского взморья или окраина Вены. Это может быть и городской усадебный топос, но он всегда максимально приближен к загородному: действие будет происходить на самой окраине города или в городском саду, который является наследником усадебного и полноценным функциональным топосом (см. рассказы «Утренник», «Пачка

---

¹ Важно указать, что термин *усадьба* встречается у Паустовского часто, хотя и употребляется расширительно. Усадьба понимается как владение: дворянское поместье, садовый участок крестьянина, может быть «санаторной» и т. д.

² Летягин Л. Н. Русская усадьба: мир, миф, судьба // Русская усадьба: Сб. Общества изучения русской усадьбы. Вып. 4 (20). М.: Жираф, 1998. С. 253.

³ Богданова О. А. Русская литературная усадьба XIX–XX вв.: теоретический аспект исследований // Mundo Eslavo. 2020. № 19. С. 92.

папирос» и др.). Важнейшей характерной чертой «усадебного топоса» в текстах Паустовского является старость, полузаброшенность дома и сада (см., напр., «Жильцы старого дома», «Телеграмма», «Зарубки на сердце», «Ночь в октябре» и др.): «Позади двора с *обветшалыми* службами шумел на ветру большой и *такой же запущенный, как и дом*, сырой и озябший сад» (*курсив наш.* – М. Ф.) («Золотая роза. Зарубки на сердце»; [III, 221]). В этом мы видим родство с «усадебным топосом» рубежа XIX–XX вв.¹

Старый дом в запущенном, заросшем саду – это излюбленный топос не только для произведений, но и для самого автора. Неоднократно Паустовский писал (и в прозе, и в письмах) о том, что «гораздо лучше работать в деревне, чем в городе. В деревне все помогает сосредоточиться, даже треск фитиля в маленькой керосиновой лампе и шум ветра в саду» («Ночь в октябре»; [VI, 389]); о том, «как легко было работать в мезонине деревенского дома, осенью, в одиночестве, под потрескивание свечи. <...> очень помогало писать сознание, что за стеной всю ночь напролет облетает старый деревенский сад» («Золотая роза. Как будто пустыки»; [III, 269–270]). В письме В. В. Навашинной-Паустовской из Солотчи 1 октября 1940 г. он пишет: «Я через каждые два-три часа, когда работаю, выхожу в сад проветриться»². И мемуаристам Паустовский запомнился именно в таком окружении: «Паустовский шел по тенистой липовой аллее из глубины парка к дому» (Ю. Гончаров)³; «Здесь он писал в кабинете с окном, распахнутым в сад» (Э. Миндлин)⁴ и т. д. Характерно, что у Паустовского музеефицированы не квартиры, как это часто бывает у деятелей культуры советского времени, а дома – в *Тарусе, Белой церкви, Старом Крыму, Солотче; даже московский музей Паустовского расположен в отдельно стоящем домике в усадьбе Кузьминки.*

Усадьбы в текстах писателя имеют свой характер, часто одушевлены: *деревянный дом Чайковского в Рудом Яре «скучает без звуков»,*

¹ Акимова М. С. «Дряхлеют парки вековые»: образ парка в русской поэзии XIX – начала XX в. // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 1. С. 178–193.

² Константин Паустовский. «Мне все снится Солотча...»: Из неопубликованного. (1936–1948) / публ. П. С. Навашина; вступит. заметка и коммент. Б. В. Егорова // *Наше наследие*. 2007. № 82. С. 87.

³ *Гончаров Ю.* Сердце, полное света // *Воспоминания о Константине Паустовском*. С. 113.

⁴ *Миндлин Эм.* Добрый художник // Там же. С. 245.

поет свою «незамысловатую песню» и «оркеструет» мелодии композитора [III, 6–7]; «обстановка деревенского дома» и осеннего сада в очерке «Зарубки на сердце» («Золотая роза») находятся «в полном соответствии» с душевной драмой героини [III, 226]; парк в Ревнях «слышал много признаний, видел бледные лица влюбленных, слезы расставания» («Повесть о жизни. Далекие годы. Липовый цвет»; [IV, 107]) и т. д.

Для Паустовского старые дома, дома с судьбой, интереснее новых: «история домов бывает подчас интереснее человеческой жизни. Дома долговечнее людей и бывают свидетелями нескольких людских поколений. <...> Кроме того, жизнь каждого дома связана с существованием многих вещей, тоже проживших немалый век, совершивших большие путешествия и кое-что повидавших» («Повесть о жизни. Начало неведомого века. Материалы к истории московских особняков»; [IV, 577]).

Вещи, которые хранят старые дома, – это портал в прошлое. Через найденные в чулане-коморе усадьбы в сундуке предметы – «пожелтевшую, написанную по-латыни гетманскую грамоту – “универсал”, медную печать с гербом, георгиевскую медаль за турецкую войну, “Сонник”, несколько обкуренных трубок и черные кружева тончайшей работы» [IV, 15] – герой «Повести о жизни» оказывается связан с представителями и представительницами предшествующих поколений своего рода («Далекие годы. Дедушка мой Максим Григорьевич»). Хранящиеся в старом доме календари за 1848, 1850 и 1852 гг. связывают героя Паустовского с Н. Н. Ланской и Е. К. Воронцовой, письма И. П. Пожалостину – с И. Н. Крамским и Ф. И. Иорданом («Зарубки на сердце») [III, 224] и т. д. И дома оказываются населены живым присутствием не только ныне живущих, но и уже ушедших, так или иначе с этим домом связанных людей. И. С. Тургенев, Дж. Гарибальди, К. П. Брюллов живут в старой рязанской усадьбе в виде гравированных портретов («Кордон “273”», «Ночь в октябре»), шотландский мастер Гальвестон – в виде своей шкатулки, найденной на чердаке: «мастер Гальвестон стал как бы одним из невидимых обитателей старого деревенского дома. Порой нам даже казалось, что мы слышим его хриплый кашель, когда он невзначай поперхнется дымом из трубки» («Жильцы старого дома»; [VI, 251]). Это характерная черта текстов Паустовского – включать

в историю места и «призраков» – литературный, художественный контекст пространства¹. Так, Париж Паустовского – это не просто Париж, а Париж Гюго, «Париж Бальзака, Мопассана, Дюма, Флобера, Золя» («Золотая роза. Виктор Гюго»; [III, 345]).

Старые усадьбы, «ненужные современности» [VI, 378] вещи-анахронизмы (хоть повествователь и называет их, как бы со стороны, «смешными» в «Телеграмме» [VI, 378] и «Зарубках на сердце» [III, 222]) создают особое приподнятое настроение, сопрягая человека с иной реальностью. Так, вся мебель в доме героини рассказа «Зарубки на сердце» («Золотая роза») блестит от времени и пахнет кипарисом, «как иконы» [III, 222]. В рассказе «Небывалая осень» (в книге «Беспокойная юность» «Повести о жизни»; [IV, 279]) героя-повествователя, тонко и лирически переживающего красоту и хрупкость окружающего мира, тянет в усадьбы – Останкино и Архангельское. Характерно, что «память о проблеске счастья, заваленном потом житейским мусором», которая «у каждого хранится на душе», Паустовский в «Зоне тишины» сравнивает с «тонким запахом лип из Ноевского сада» [IV, 572].

Усадебная тема, «усадебный топос» являются ключевыми для жизни и творчества Паустовского. Парадоксально, но, по его словам, даже его «пристрастие к путешествиям» родилось в «бабушкином саду» («Повесть о жизни. Далекие годы. Розовые олеандры»; [IV, 35]); а многие сюжеты – о среднерусской глубинке, даже «о жарком Кара-Бугазе» («Повесть о жизни. Книга скитаний. Девонский известняк»; [V, 483]) и Андерсене («Золотая роза. Зарубки на сердце»; [III, 224]), родились в мезонине старого дома. По словам автора-рассказчика «Повести о жизни», заветная «мысль о жизни в лесах, в сельском доме, где ветки вязов заглядывают в окна и в сумерки со двора пахнет самоварным дымком (эта жизнь потом осуществилась в Мещерском крае, ставшем второй [моей] родиной» («Повесть о жизни. Бросок на юг. Тоска по самоварному дыму»; [V, 343]), родилась в Батуме, но при чтении усадебной поэзии – стихотворения Н. М. Языкова о Тригорском [V, 342–343]. Но, пожалуй, отсчет стоит вести с самого раннего детства, которое у Паустовского было

---

¹ Отметим здесь сходство такого подхода с философией места Н. П. Анциферова, соученика Паустовского по Киевской Первой гимназии, представленной в работе «Быль и миф Петербурга» (1922) и др.

связано с усадебной культурой. В 20 верстах от старинного живописного города Белая Церковь, вблизи которого «раскинулись <...> сады графини Браницкой <...> [где] бывали Пушкин и Мицкевич» («Белая церковь»; [VII, 315]), находилась «дедовская усадьба Городище» («Повесть о жизни. Далекие годы. Смерть отца»; [IV, 11]). Паустовский неоднократно изображает ее в «Повести о жизни» – причем как типично усадебный топос. Типичными признаками «усадебности» являются «родословная» усадьбы, запечатленная в старинных вещах, семейные предания, напитавшись которыми, герой играет с братьями «в запорожские битвы» в заросшем овраге за усадьбой. Сама топография усадьбы типична: она расположена «на острове среди быстрой и шумной реки» [IV, 8]. Паустовский изображает обжитое ядро усадьбы и подобие концентрических кругов, по мере удаления от этого ядра все менее изведанных, все более заросших и таинственных, за границами которых находятся «запретные места» («Повесть о жизни. Далекие годы. Караси»; [IV, 23]). С одной стороны, такое восприятие мира характерно для ребенка, с другой – таинственные, запретные места являются характерной чертой «усадебного топоса» в целом¹. Так же типичны для усадьбы определенный строй дня, времяпрепровождение: чтение, музицирование, прогулки, совместные игры, чаепития и беседы – «Пасторальная жизнь!» [IV, 260], как именует такой уклад один из персонажей Ленья Михельсон («Повесть о жизни. Далекие годы. Воробьиная ночь»).

Начав свою жизнь в усадьбе, Паустовский после многочисленных странствий (которые, как оказывается, тоже произрастают из «усадебного детства»), вновь «возвращается» в усадьбу, проецируя – может быть, подсознательно – усадебное устройство на свой уклад. И, казалось бы, умершая усадебная жизнь, ее культурный багаж – плодотворные интеллектуальные труды и досуги, даже «общие места» усадебной культуры (скажем, чтение Тургенева в усадебном саду в «Зарубках на сердце») [III, 224], как оказывается, нигде не исчезают, а просто некоторым образом переформируются – например, в дачный уклад. Роль усадьбы для творчества

---

¹ Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. С. 97–102.

Паустовского очень велика, причем в разных ее ипостасях: как места его формирования, пространства для творчества, культурного достояния, объекта осмысления, места действия (в разных вариантах) произведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акимова М. С.* «Дряхлеют парки вековые»: образ парка в русской поэзии XIX – начала XX в. // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 1. С. 178–193.
2. *Богданова О. А.* Русская литературная усадьба XIX–XX вв.: теоретический аспект исследований // *Mundo Slavico*. 2020. № 19. С. 89–102.
3. Воспоминания о Константине Паустовском / сост. Л. Левицкий. М.: Советский писатель, 1975. 463 с.
4. *Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 528 с.
5. Константин Паустовский. «Мне все снится Солотча...»: Из неопубликованного. (1936–1948) / публ. П. С. Навашина; вступит. заметка и коммент. Б. В. Егорова // *Наше наследие*. 2007. № 82. С. 84–90.
6. *Летягин Л. Н.* Русская усадьба: мир, миф, судьба // *Русская усадьба: Сб. Общества изучения русской усадьбы*. Вып. 4 (20). М.: Жираф, 1998. С. 253–259.
7. Мир Паустовского: Избранные страницы. Моск. лит. музей-центр К. Г. Паустовского. Редколлегия журнала «Мир Паустовского». М.: Мир Паустовского; Нижний Новгород: Деком, 2003. 456 с.